

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении

Ануфриева Л.П.*

В статье рассматривается блок взаимосвязанных теоретических проблем, которые относятся к сущности, особенностям евразийской интеграции и Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) как ее организационно-правовой и институциональной формы, юридической природе данного объединения, а также понятию «право Евразийского Экономического Союза». С позиций науки международного права автор доказывает несостоятельность «наднациональных» теорий интеграции, в том числе, применительно к евразийской интеграции и ЕАЭС. Он критично подходит к новейшим предложениям по поводу разграничения международных межгосударственных организаций на «международные межправительственные организации» (ММПО) и «международные организации региональной экономической интеграции», полагая, что интеграционные институциональные образования, оформляющие высшие ступени интеграции, отличаются от прочих ММПО функционально, но соответствуют всем родовым признакам международных организаций.

Ключевые слова: Евразийская интеграция; Евразийский Экономический Союз; право ЕАЭС; международная правосубъектность; международное право.

I. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный первоначально тремя государствами, а ныне включающий в себя пять членов¹, выступает недавним образованием интеграционного типа. Со времени создания ЕАЭС не прекращается полемика по поводу его особенностей с точки зрения юридической природы, правосубъектности и, прежде

---

* Ануфриева Людмила Петровна – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). anufrieva@msal.ru.

всего, международной правосубъектности. Это оживило дискуссии и по более общему вопросу – о специфике международных интеграционных союзов в современную эпоху.

В последнее время доктринальная разработка этой проблемы пополнилась значительным разнообразием теоретических построений – от выдвижения идей о «нетипичных субъектах» международного права (таможенных территориях, приобретающих правосубъектность в результате одностороннего волеизъявления государств, а также таможенных союзов, создаваемых в результате согласования воли двух и более государств²) до отрицания международной правосубъектности определенной части международных образований, к каковым относятся интеграционные объединения, оформляющие разные уровни развития интеграции между соответствующими странами.

Прежде всего, в круг правовых проблем вошел особый предмет – дифференциация межгосударственных объединений друг по отношению к другу: «обычных» международных организаций – «классического типа» – и интеграционных образований. Так, А.Я. Капустин считает, например, что Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) по своим институционно-правовым характеристикам не выделялось среди других ММПО, но при этом оно и не ставило своей задачей формирование какого-либо интеграционного сообщества, а преследовало более скромную цель – «продвижение процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства». Это обстоятельство, – указывает автор, – и предопределило в известной мере его временный, промежуточный характер, что подтвердилось в решении, принятом на заседании Межгосударственного совета в г. Минске 10 октября 2014 г., когда главы государств-членов (России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана) приняли решение о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества в связи с началом функционирования с 1 января 2015 г. ЕАЭС³.

В связи с этим нельзя не отметить: в приведенных высказываниях произведен отрыв указанных организационно-правовых форм интеграции – ТС и ЕЭП – от самой интеграции, что явно нелогично. Ведь из них очевидным образом следует, что ЕврАзЭС, будучи «обычной ММПО» и поставив перед собой цель «продвижения процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства», которые и есть не что иное, как ступени интеграции, проявило себя в качестве международной институции, функционально занимающейся не просто координацией сотрудничества в определенной сфере деятельности, а взявшей на себя особую роль, состоящую в *организации* и согласовании форм более тесного совместного решения проблем экономики и политики участвующих государств, которые свойственны именно интеграционному объединению⁴.

Иными словами, правосубъектность международной организации никоим образом не может быть устранена, ущемлена, стать больше или меньше, если международное объединение государств служит

решению не одной какой-либо задачи в определенной сфере деятельности, а поставило цель соединить экономический потенциал, усилия и политические интересы его участников для достижения большей эффективности сотрудничества, оформляя таким образом интеграционный процесс, о какой бы его стадии ни шла речь. Организационная сторона обеспечивается созданием конкретного институционно-договорного механизма интеграции. Здесь, как и в других международных организациях, учредительные акты, по заключению Международного Суда, также «имеют целью создать новых субъектов права, наделенных определенной автономией, которым *стороны доверяют реализацию задачи достижения некоторых общих целей*» (выделено мною – Л.А.)⁵.

В то же время так называемый «промежуточный» характер ЕврАзЭС, с одной стороны, отражает в известной мере объективные причины стадийности развития интеграции (от низшей организационно-правовой формы к высшей), а, с другой, как представляется, – связан с некоторыми тенденциями попыток заимствования (или копирования) неких элементов из механизмов западноевропейской интеграции (от «сообществ» к «союзу»). Вследствие этого с учетом реалий сегодня уместно в принципе говорить о евразийской интеграции именно в контексте ЕАЭС⁶.

Тезис, весьма растиражированный применительно к процессам интеграции, особенно евразийской⁷, и затрагивающий сугубо теоретический вопрос в науке международного права, – это отказ интеграционным формированиям в международной правосубъектности. Он весьма последовательно вытекает из вышеуказанной дифференциации и фактически даже противопоставления международных организаций и интеграционных образований.

Чтобы избежать голословности, упомянутые утверждения целесообразно привести конкретно: «Понятия Таможенного союза и Единого экономического пространства, сформулированные в международных соглашениях, принятых в рамках ЕврАзЭС, имели экономический смысл, подразумевая общепризнанные этапы или формы рыночной экономической интеграции национальных экономик объединяющихся государств (Таможенный союз, общий рынок и т.д.). В международно-правовом смысле подобное межгосударственное экономическое объединение может рассматриваться как специфический международно-правовой режим, основанный на международном договоре (или группе международных договоров), цели которых достигаются путем соблюдения международных обязательств, принятых их государствами-участниками.

Специфика подобного международно-правового режима состоит в том, что его участники соглашаются использовать особые методы имплементации своих международных обязательств, целью которых является сближение национального законодательства государств-участников путем унификации и гармонизации в сферах, регулируе-

мых указанными международными соглашениями. Отсюда следует, что как ТС, так и ЕЭП не являлись органами ЕврАзЭС, следовательно, их нельзя рассматривать в качестве структурных подразделений данной международной организации. Их также нельзя воспринимать в качестве самостоятельных международных организаций, поскольку у них отсутствует ряд системообразующих признаков ММПО, признанных в теории и международно-правовой практике (внутренне взаимосвязанная автономная организационная структура, самостоятельные права и обязанности, отличные от прав и обязанностей государств-членов и др.). Это были, как указывалось выше, сформированные на основе международных соглашений международно-правовые режимы»⁸.

Что здесь вызывает возражения?

Во-первых, придание «сакральности» категории «международная организация», особенно «классической ММПО», и наоборот, – некоторой «снисходительности» в отношении понятия «международно-правовой режим». Кратко резюмируем, что, безусловно, это явления различного порядка, однако они связаны друг с другом, а не разобщены: ни одно международное образование не обходится без «режима», поскольку последний создается на основе норм права (международно-правовой режим – на основе норм международного права), который реализуется в возникающих благодаря им правоотношениях.

Это касается и «типичных» ММПО, и так называемых «наднациональных» организаций, и «простых» интеграционных объединений, будь то таможенные, экономические, валютные и т.п. союзы. К тому же каждой ступени интеграции соответствует своя организационно-правовая форма (и свой, между прочим, «режим»): режим зоны свободной торговли отличен от режима таможенного союза или общего рынка. Зона свободной торговли может потребовать непосредственной институционализации (ЕАСТ), а может ограничиться ее элементами (ЕврАзЭС, НАФТА), но без договорно-правового оформления, т.е. без специального на этот счет соглашения обойтись не может (СНГ). Таможенный союз и общий рынок, как правило, активно прибегают к институционализации (ЕОУС, Евратом, ЕЭС, МЕРКОСУР, Андский пакт (Андское сообщество наций))⁹. Наконец, экономические союзы, включающие в себя единое экономическое пространство, а также и валютные, платежные и расчетные системы или союзы, представляя собой высшие уровни интеграции, опосредствуют и высшую организационно-правовую ее форму (ЕС, ЕАЭС).

Во-вторых, неприемлемо противопоставление «экономического смысла» таможенного союза и ЕЭП (можно добавить сюда и общий рынок, и экономический союз) международно-правовому значению соглашений и объединений.

Несомненно, разные международные образования имеют различное назначение («смысл»): у одних «экономический», у других – «социальный», у третьих – «культурный», у четвертых – военно-политический, у шестых – «всеохватный», т.е. вбирающий в себя все перечисленное

и даже что-то еще. Международные организации могут избирать для целей объединения множество интересов и решаемых с помощью совместных усилий задач.

Имеет ли право на существование организация (ММПО), которая объединит в своем составе членов, решивших создать таможенный союз? Безусловно, да! Будет ли препятствовать такой квалификации данного объединения сформулированные перспективы продвигаться последовательно дальше по пути интеграции – от таможенного союза к общему рынку, единому (общему) экономическому пространству, экономическому союзу? Конечно, нет!

Правда, стоит определенным образом оговориться, что у рассматриваемого образования, разумеется, должны наличествовать необходимые формально-юридические признаки международной организации. Если говорить о современных критериях, выработанных доктриной международного права, то это: институциональная обособленность от других субъектов международного права, внутреннее единство, воля, относительно обособленная от воли государств-членов, органы, способные выражать эту волю, учредительный договор (как типичное требование в сегодняшних условиях) или иное соглашение, закрепляющее цели, задачи, принципы, функции и компетенцию, а также средства и методы их реализации.

Важно подчеркнуть качества международной организации, особо отмечаемые в Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 года: договорная правоспособность, т.е. способность «заключать договоры, которая необходима для выполнения ее функций и достижения ее целей», а также соответствие договоров международных организаций с государствами или между собой их учредительным актам (преамбула)¹⁰.

С этих позиций, действительно, Таможенный союз трех государств располагал далеко не всеми признаками в их «клинической чистоте». Тем не менее, международно-правовой фундамент¹¹ в образовании ТС имелся – Договор о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 6 января 1995 г., Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г., а также Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 г. (с изменяющими и дополняющими их соглашениями).

Более того, у Таможенного союза на определенной стадии его развития появилась и институциональная структура – Комиссия как постоянно действующий орган, предусмотренный Договором о Комиссии Таможенного союза от 6 октября 2007 г. Даже те авторы, которые отрицают международно-правовую идентичность Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, выдвигают на передний план наличие международно-правовой основы ТС, указывая на пакет соглашений, заключенных 25 января 2008 г. (например, Соглашение о едином та-

моженном тарифном регулировании, Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. и др.)¹².

Ссылаясь на нормы действующего международного права в анализируемой области, нельзя не обратиться к соглашениям права ВТО и, в частности, к ст. XXIV ГАТТ, которой устанавливается: «... положения настоящего Соглашения не препятствуют образованию территориями Договаривающихся Сторон таможенного союза или зоны свободной торговли, или принятию временного соглашения, необходимого для образования таможенного союза или зоны свободной торговли...» (п.5). При этом для целей ГАТТ под таможенным союзом понимается замена двух или нескольких таможенных территорий одной таможенной территорией (п.8 (а), а под зоной свободной торговли – группа из двух или более таможенных территорий, в которых отменены пошлины и другие ограничительные меры регулирования торговли (п.8 (б)). Как было указано в общих нормах данного раздела ГАТТ, подобные формирования создаются участниками ВТО путем заключения постоянных или временных соглашений.

Вышеприведенные соображения не имеют цели представить апологику «новых субъектов» международного права, как это иногда предлагается в научной литературе¹³, однако должны заставить задуматься об обоснованности «генерализованного» подхода к квалификации таможенных союзов или иных интеграционных образований в качестве заведомо «неправосубъектных», осуществляемой с международно-правовых позиций. В равной степени они направлены и против того, чтобы «легализовать» деление межгосударственных организаций на «классические» и «неклассические», к которым большей частью и относят объединения интеграционного типа.

В-третьих, с нашей точки зрения, неплодотворным выглядит противопоставление и другого рода: между ММПО и «международными организациями региональной интеграции». Наоборот, важно подчеркнуть, что последние выступают, прежде всего, в качестве *межгосударственных организаций – субъектов международного права*. В этом заключается их правовая природа и основная юридическая квалификация. Среди них встречаются такие, внутренний «стержень» которых характеризует «режим», свойственный «зоне свободной торговли», но которые остаются международными институтами в собственном смысле слова, с главными и вспомогательными органами, секретариатом, советами, комитетами и даже судом, что *expressis verbis* закрепляется в основополагающем акте, – например, Европейская ассоциация свободной торговли¹⁴.

В-четвертых, в соответствии с этим и возникают международные организации, в последнее время именуемые «международными организациями региональной экономической интеграции». Несмотря на растущее их количество, не представляется правильным видеть в них какой-то особый *вид* международных институций. Они могут именоваться «организациями региональной экономической интегра-

ции» по характерным целям и задачам, обусловленным интеграцией как общественно-политическим и экономическим явлением (хотя в каждой из них при этом сохраняется собственная специфика), но не группироваться по родовым отличиям от международных организаций вообще.

В частности, к сказанному о «режиме», ММПО и интеграционных объединениях необходимо добавить еще одно соображение: в документах и материалах Комиссии международного права ООН, посвященных фрагментации международного права¹⁵, понятие «режим» не только не исключается, но всецело сопрягается с понятиями «международная организация» и «интеграционное объединение». В отличие от цитируемых ранее положений, отражающих опровергаемый в настоящем взгляд некоторых российских правоведов, разработки КМП ООН в области фрагментации норм международного права не разграничивают обычные международные организации и региональные образования.

Западные юристы-международники в этом плане обозначают общие контуры: «Наряду с диверсификацией региональных образований, которая, вне сомнений, имеет место и усиливается благодаря росту числа организаций экономической интеграции, отмечается диверсификация сфер международно-правового регулирования, в связи с чем происходит спецификация международного права, в доктрине международного права появляется разграничение функциональной и региональной спецификации»¹⁶.

Итак, есть «разграничение», но не разведение по разным сторонам ММПО - «функциональных» и «региональных» (интеграционных).

В развитие этих тезисов отечественные исследователи усматривают в международно-правовой действительности наличие и двух видов договорных режимов: функциональных и региональных (интеграционных), полагая при этом, что «при подходе к договорным режимам нельзя поставить знак равенства между региональными подсистемами и подразделениями правовых норм, обособившимися по функциональному признаку («правом международной ответственности», «правом МВФ-МБРР», «правом ВТО» и т.д.).

Тем не менее, отдавая себе отчет во всех различиях между качествами «функциональных» и «региональных» специальных режимов, нужно ... признать факт их взаимодействия не только друг с другом, но и в целом со всей системой международного права, равно как и с отдельными его структурными элементами. В рамках каждого из специальных режимов создается, как правило, собственный инструментарий обеспечения взаимодействия с другими режимами, причем как оригинальным, своеобразным порядком, так и с помощью средств, известных «общему» международному праву»¹⁷.

В итоге изложенное не выявило никаких особых расхождений в юридической природе, характерных чертах и, главное, – международной правосубъектности международных организаций, занимающихся

координацией сотрудничества, по сравнению с таковыми, нацеленными на экономическое, политическое и правовое сближение интеграционного порядка их членов.

II. Таким образом, решение на основе проведенного рассмотрения перечисленных принципиальных вопросов, касающихся интеграционных объединений, в том числе и Евразийского экономического союза, позволяет перейти к анализу категории «право ЕАЭС»¹⁸. Его исследование отчасти облегчается тем, что положения ст. 6 Договора о ЕАЭС прямо закрепляют перечень составляющих. Так, в понятие «право ЕАЭС», как оно представлено в самом Договоре об учреждении ЕАЭС, заложен «нормативистский» подход при использовании очевидной дихотомии: ст. 6 Договора оперирует двумя видами международно-правовых актов, указывая, во-первых, международные договоры и акты органов ЕАЭС (решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза), – во-вторых.

В категорию международных договоров, помимо Договора о ЕАЭС, входят не только «международные договоры в рамках Союза», но и «международные договоры Союза с третьей стороной». В акте специально обуславливается, что международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза (п. 2 ст. 6).

Некоторая нечеткость в отношении того, что понимается под «правилами функционирования Союза», думается, может быть восполнена благодаря нормам Венской конвенции 1986 г., которые дают прямой ответ на этот вопрос: «правила организации» означают, в частности, учредительные акты организации, принятые в соответствии с ними решения и резолюции, а также установившуюся практику организации» (п. (j) ст. 2).

Вместе с тем, на фоне того, что договором решен вопрос о коллизии между международными договорами в рамках Союза и Договором об учреждении ЕАЭС – приоритет имеет последний.

Нет ясности, как будет разрешено в случае возникновения противоречия между Договором о ЕАЭС или любым другим соглашением Союза, охватываемым понятием «право ЕАЭС», и международным договором Союза с третьей стороной.

В публикациях на тему права ЕАЭС подвергается критике использование в Договоре о ЕАЭС термина «приоритет» в отношении снятия противоречий между международно-договорными актами¹⁹. На самом деле речь идет о приоритете не как об абстрактном превосходстве (примате) соответствующего международного соглашения, а о соответствующем алгоритме в последовательности применения актов в целях устранения выявившейся коллизии на основе оценки соответствующих фактических и юридических обстоятельств.

В данном случае представляется еще требующим обоснования включение в «право Союза» договоров с третьими странами, до сих пор пока в принципе не оспаривавшееся специалистами. Надо заметить, что некогда эта проблематика достаточно предметно разрабатывалась в советской и иностранной литературе как в связи с западноевропейской интеграцией, так и на материале Совета Экономической Взаимопомощи (Н.В. Миронов, В.И. Кузнецов, В.В. Фомин, Р. Джурович, В. Зайфферт, Ч. Големинов, Л. Фицере, Г. де Фюмель, П. Радойнов и др.). В этом отношении некоторыми из упомянутых авторов высказывались соображения, что, хотя договоры с третьими сторонами и содержат права и обязанности для объединения в целом, процесс заключения договоров является двусторонним, они обязывают международную организацию и страны-члены одновременно²⁰; в договор входят положения, выступающие результатом компромисса. Несмотря на то, что договоры с третьими странами предусматривают правила, не противоречащие нормам права ЕАЭС, автоматического подключения их к «праву ЕАЭС» не происходит. Вот почему в этом аспекте требуется дополнительное изучение.

Известно, что Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. сузил формат права ЕАЭС, исключив из перечня элементов, его составляющих, судебные акты Суда, который, тем не менее, фигурирует в числе основных органов объединения (ст. 8). Суд также не вправе рассматривать преюдициальные запросы, в заключениях по которым усматривалось наличие у Суда по меньшей мере двух элементов воздействия на право, обеспечивающих интеграционное развитие: 1) создание единообразной практики применения норм права ЕАЭС национальными судами государств-членов; 2) непосредственное содействие самим Судом формированию права Союза. В свете действующих норм ЕАЭС получается, что сегодня, по крайней мере, для второй составляющей уже нет места.

Исходя из изложенного, возникает резонный вопрос: если акты Суда исключены из перечня составляющих право ЕАЭС, какова его роль в дальнейшем развитии правового фундамента интеграционного образования (и презюмируется ли она вообще)? Выходит, что ни результаты толкования Судом международных договоров или актов органов ЕАЭС, ни правовые позиции, вырабатываемые им в процессе правоприменительной деятельности, не могут приобрести юридическое значение для практики интеграции.

В этом плане взгляд на функции Суда ЕАЭС, в том числе выделение правоохранительной функции (наряду с правозащитной и нормоустановительной), который выражен в недавних публикациях на эту тему (здесь мы намеренно не касаемся разбора далеко не бесспорных терминов и существа формулируемых тезисов)²¹, очевидно должен быть соответствующим образом скорректирован и соотнесен с отсутствием в праве ЕАЭС актов Суда, ибо становится неясным, как Суд может обеспечить соблюдение права Союза, если учет «квинтэс-

сенции» его деятельности по применению и толкованию норм ЕАЭС в юридически опосредствуемой форме (т.е. в виде судебных актов) учредительным международным договором объединения по сути не предусмотрен.

В конечном итоге возможности воздействия Суда на формирование права ЕАЭС как интеграционного образования и тем самым на развитие интеграции заведомо уменьшены²², что вряд ли можно считать продуктивным. Нужна ли корректировка создавшегося положения и какая, – вопрос для осмысления и обсуждения²³.

Помимо «внутреннего» аспекта «права ЕАЭС», т.е. подхода со стороны самого его устройства и «жизни», который, можно надеяться, уже освещен, принципиально важным выступает и «внешний» ракурс, т.е. взгляд на явление евразийской интеграции и «право ЕАЭС» извне. В этом смысле особый интерес вызывает восприятие евразийской интеграции и «права ЕАЭС» со стороны Конституционного суда РФ и Органа по разрешению спора ВТО.

Так, Конституционный Суд РФ в своей деятельности и актах не раз обращался к праву евразийской интеграции²⁴. Последний из актов - Определение Конституционного Суда РФ от 03.03.2015 N 417-О «По запросу Арбитражного суда Центрального округа о проверке конституционности пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза», получивший резонанс в специальной юридической литературе²⁵. Конституционный Суд (КС) РФ в своем определении от 3 марта 2015 г. продолжил свою позицию в отношении евразийской интеграции. Как подчеркивают аналитики, «отвечая на запрос Арбитражного суда Центрального округа о конституционности решения Евразийской Экономической Комиссии № 728, КС РФ сделал несколько очень важных заявлений, которые выходят далеко за пределы полученного им запроса»²⁶.

Определение свидетельствует, прежде всего, о том, что КС РФ рассматривает через призму ч. 4 ст.15 российской Конституции не только международные договоры, заключенные РФ, но и решения органов организаций, с которыми она связана членством (в частности, ЕЭК).

КС не дистанцируется от правовых позиций, зафиксированных в решениях Суда ЕвразЭС (решения Коллегии от 1 ноября 2013 года по делу по заявлению ООО «СеверАвтоПрокат» об оспаривании пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза, оставленного без изменения решением Апелляционной палаты от 24 февраля 2014 года, выводы которого в отношении оценки введения Решением ЕЭК № 728 (п. 4 Порядка) ретроактивного действия практически дословно повторены в акте КС РФ). КС РФ не исключает возможностей своей проверки на «конституционность» актов «права ЕАЭС» посредством увязки их с правами человека – во всяком случае «перекрестные» ссылки Определения на Конститу-

цию РФ и Договор о Евразийском экономическом союзе в этой части говорят о многом.

Что же касается трактовки права ЕврАзЭС и права ЕАЭС государствами-членами ВТО и особенно Органом разрешения споров, то ответ содержится в некоторых делах, где Российская Федерация является ответчиком. Причем основанием для жалоб стали ее действия, обусловленные международными обязательствами, которые вытекают или из международных договоров, или из решений органов интеграционного объединения - сначала Таможенного союза и Единого экономического пространства, а ныне экономического союза.

Так, в споре «Россия - Антидемпинговые пошлины в отношении легких коммерческих автомобилей из Германии и Италии» по всем 12 пунктам запроса ЕС о проведении консультаций проходит утверждение, что «рассматриваемые меры противоречат обязательствам Российской Федерации, предусмотренным Антидемпинговым соглашением».

То же следует и в выводе: «Принятые Российской Федерацией меры сокращают и аннулируют выгоды, прямо или косвенно предоставленные Европейскому союзу в соответствии с вышеупомянутыми Соглашениями»²⁷. В итоге Европейский союз требует от Российской Федерации соблюдать обязательства, взятые ею на себя в рамках ВТО, и «исправить ситуацию в кратчайшие сроки».

Здесь, во-первых, очевидным образом проигнорирован сам факт существования договоров Российской Федерации, имеющих для нее юридически обязательный характер для как члена ЕврАзЭС/Таможенного союза/ЕАЭС. Во-вторых, оперирование исключительно понятием «мера» влечет вывод, что правовая основа интеграционного образования и обязательства, связанные с членством в нем, не имеют юридического значения ни для оценки правомерности либо неправомерности поведения России как члена ВТО и других образований, ни для характеристики спорных обстоятельств. В целом же речь идет о замене категории «право ЕврАзЭС/Таможенного союза/ЕАЭС» менее значимым с точки зрения юридической определенности и более удобным понятием «мера».

В завершение следует сказать, что нормы «права ЕАЭС» в качестве регуляторов интеграции между государствами-членами Союза занимают место, обусловленное рядом объективных факторов: 1) интеграция имеет региональный характер; 2) определенный сегмент евразийской интеграции развивается в рамках договорно-институционального механизма ЕАЭС, который *юридически* закрепил создание интеграционного образования; 3) правовой статус ЕАЭС - это статус субъекта международного права, т.е. международной правосубъектной организации, не имеющей так называемой «наднациональной» или «надгосударственной» природы; 4) «право ЕАЭС», будучи опосредуемым международными договорами и/или актами органов международной организации, закономерно являет собой часть международного права.

Высказанные положения опираются на позитивное право, а именно на статью 1 Договора о Евразийском Экономическом Союзе, где не-

посредственно устанавливается, что «Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью»²⁸, что должно снять всякие сомнения касательно каких-либо других трактовок юридической природы объединения.

Eurasian Economic Union and «the Law of the Eurasian Economic Union» as per International Law Dimension (Summary)

Liudmila P. Anufrieva*

The article envisages the package of interconnected theoretical issues related to the entity, characteristic features of Eurasian integration and the Eurasian Economic Union (EEU) as its legal and institutional form, legal nature of the institution, as well as the concept of the «Law of the Eurasian Economic Union». Being based on the international law doctrine, the author substantiates the failure of the supranational theories of integration, including those connected with Eurasian integration and the Eurasian Economic Union; the piece reveals critical approach to the latest proposals regarding differentiation and distinction between international intergovernmental organizations (IGO) and «international institution of regional economic integration», considering that the integration entities having reached the highest level of integration, differ from other IGO functionally, but meet all generic requirements immune to international organizations as such.

Keywords: Eurasian integration; Eurasian Economic Union; the Law of the Eurasian Economic Union; international legal capacity; International Law.

¹ ЕАЭС учрежден в развитие целей интеграционного сотрудничества стран, входящих в Таможенный союз, Единое экономическое пространство, созданных в рамках ЕврАзЭС Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией, к которым присоединились Армения и Кыргызская Республика - См.: Договор о Евразийском Экономическом Союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 08.05.2015); Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском Экономическом Союзе от 29 мая 2014 года (подписан в г. Минске 10.10.2014); Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском Экономическом Союзе от 29 мая 2014 года (подписан в г. Москве 23.12.2014)//СПС Консультант Плюс.

---

* Liudmila P. Anufrieva – Doctor of Law, professor of the International Law Department, Moscow State Kutafin University of Law (MSAL), professor. lpanufrieva@msal.ru.

² См.: Тюрина Н.Е. Публичный интерес в международном торговом праве. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук. Казань, 2016. – 42с. С. 17-18.

³ См.: Капустин А.Я. Договор о Евразийском Экономическом Союзе - новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. – 2014, – № 12. – С. 98-101.

⁴ О характере процессов международной экономической интеграции как явления и отличительных чертах интеграционных объединений см.: Ануфриева Л.П. Международное право в регулировании интеграционных отношений // Сборник докладов/отв. ред. Н.А.Соколова. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. С. 8-16; Ануфриева Л.П. Евразийская интеграция в ракурсе международного права (вопросы теории)// Вопросы правоведения. 2016, № 5; Ануфриева Л.П. Persona grata: Право евразийской интеграции в действии // Евразийский юридический журнал. 2016, № 5 (96). С. 10-15.

⁵ Cf.: ICJ. Recueil, 1996. Par. 19.

⁶ Наряду с этим вряд ли стоит игнорировать «параллельные» политико-экономические объединительные процессы, в которых участвуют государства постсоветского пространства, за рамками, однако, межгосударственных образований стран – бывших республик Советского Союза, таких, как ШОС, АТЭС, АСЕАН. Эти факторы предстают в качестве особенно значимых в свете актуальных событий – проходившего 23-24 июня 2016 г. в Ташкенте саммита ШОС в связи с ее 15-летием – и сформулированных на нем идеях расширения евразийской интеграции на все европейско-азиатское пространство.

⁷ См.: Капустин А.Я. Международные организации в глобализирующемся мире. М., 2010; Капустин А.Я. Договор о Евразийском Экономическом Союзе - новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. – 2014, – № 12. – С. 98-107; Капустин А.Я. Право Евразийского Экономического Союза: подходы к концептуальному осмыслению // Современный юрист. 2015. N 1. С. 94 – 108; Капустин А.Я. Право Евразийского Экономического Союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. – 2015. – № 11. – С. 59 - 69.

⁸ Капустин А.Я. Международные организации в глобализирующемся мире. С. 152-165.

⁹ Андское сообщество - пример разветвленной структуры интеграционного образования: Комиссия Картахенского соглашения, Совет министров иностранных дел, Андский парламент, Андский суд, Андская корпорация развития, Андский резервный фонд (АРФ), Ассоциация телекоммуникационных комиссий, Союз частных предпринимателей, Андский институт труда.

¹⁰ Нелишне в связи с этим отослать читателя также к Проекту статей об ответственности международных организаций 2006 г. Комиссии международного права ООН, определяющему международную организацию как «организацию, учрежденную на основании международного договора или иного документа, регулируемого международным правом, и обладающую своей собственной международной правосубъектностью» //см.: доступ из электронного ресурса: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf

¹¹ В легальном отношении данная категория была обозначена другим термином – «договорно-правовая база» (см.: Протокол «О порядке вступления в силу международных договоров, направленных на формирование договорно-правовой базы таможенного союза, выхода из них и присоединения к ним» от 6 октября 2007 года // СПС КонсультантПлюс), которую образуют два вида соглашений: международные договоры, действующие в рамках ЕвразЭС; международные договоры, направленные на завершение формирования договорно-правовой базы Таможенного союза. В последующем появилась третья группа соглашений, включившая в себя иные виды договоров, которые касались функционирования ТС.

¹² См.: Капустин А.Я. Право Евразийского Экономического Союза: подходы к концептуальному осмыслению. С. 94 - 108.

¹³ См.: Тюрина Н.Е. Там же.

¹⁴ See: A revised Convention, the Vaduz Convention signed on 21 June 2001 and entered into force on 1 June 2002//доступ из электронного ресурса: URL: <http://www.efta.int/legal-texts/efta-convention>.

¹⁵ See: Report of the Study Group of the International Law Commission «Fragmentation of International Law: Difficulties arising from the Diversification and Expansion of International Law». Conclusions of the Work of the Study Group // A/CN.4/L.682/Add.1.

¹⁶ Флек Д. Международное право между фрагментацией и интеграцией: вызовы для теории и практики//Российский юридический журнал. – 2011, – № 6. – С. 9.

¹⁷ Право ВТО: теория и практика применения. - монография/под ред. Л.П. Ануфриевой. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2015. – 528с. С. 303.

¹⁸ Примечательно, что понятие «право ЕАЭС» настолько быстро распространяется в литературе и практике, ассоциируясь с Договором о ЕАЭС и самим ЕАЭС, что начинают активно внедряться и его «производные» типа «энергетическое право ЕАЭС», «право наноиндустрии ЕАЭС» и т.д.

¹⁹ См.: Капустин А.Я. Право Евразийского Экономического Союза.- С. 62.

²⁰ См.: Миронов Н.В. Правовые формы сотрудничества с СЭВ стран, не являющихся его членами//Правовые вопросы деятельности СЭВ. - М.: Междунар. отношения, 1973. – 192с. С. 124, 129-130.

²¹ См.: Евразийская интеграция: роль Суда/под ред. д.ю.н., проф. Т.Н. Нешатаевой - М.: Междунар. отношения, 2015. – С. 64-72, 304.

²² Уместно напомнить, что применительно к статусу и функциям предшественника Суда ЕАЭС - Суда ЕвразЭС – в судебных актах последнего замечена такая фразеология: «Договором об учреждении Евразийского экономического сообщества от 6 октября 2007 года предусмотрен защитный механизм создания единообразного коммунитарного толкования правовой нормы (выделено мною - Л.А.), части которой находятся в различных системах права. Таким механизмом является единообразное прочтение Договора, акта КТС и национального закона исходя из целей, задач и принципов интеграции и с учетом верховенства норм права ТС и Единого экономического пространства» (см.: Решение Суда ЕвразЭС от 11 февраля 2014 г. «Об оставлении без изменения решения Суда Евразийского экономического сообщества от 31.10.2013», которым отдельные положения пункта 4 «Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза», утв. решением Комиссии Таможенного союза от 15.07.2011 № 728, признаны соответствующими подп. 5 п. 2 ст. 96, ст. ст. 209, 210, абз. 6 подп. 2 п. 2 ст. 211 Таможенного кодекса Таможенного союза» // Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества. 2014, № 1.

²³ Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, обратной тому, что, по мнению крупного специалиста в области деятельности международных судебных учреждений Ю. Шейни, составляет одну из современных тенденций международного правосудия, полагающего, что «международные суды ставят перед собой задачу дальнейшего расширения сферы влияния международной судебной системы... новые суды уже не являются преимущественно органами разрешения споров... Похоже, вместо этого они взяли на себя две другие основные функции: нормотворчество и поддержание режима» (см.: Shany Y. No Longer a Weak Department of Power? Reflections on the Emergence of a New International Judiciary // EJIL. Vol. 20. N 1. P. 80 – 81).

²⁴ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «Team Niinivirta AY» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 2 статьи 80, пункта 1 статьи 91 и пункта 1 статьи 342 Таможенного кодекса Таможенного союза [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. Режим доступа: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision136123.pdf>; Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Худайназарова Мурата Реимназаровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 150, 153 и 195 Таможенного кодекса Таможенного союза».

²⁵ См.: Исполинов А. Конституционный Суд РФ о своей роли в евразийской интеграции и о диалоге с Судом Союза // доступ из электронного ресурса: URL: https://zakon.ru/blog/2015/03/30/konstitucionnyj_sud_rf_o_svoej_rol_i_v_evrazijskoj_integracii_i_o_dialoge_s_sudom_soyuza

²⁶ Исполинов А.С. Указ соч.

²⁷ Подробнее об этом деле см.: Кадышева О.В. Комментарий по спору России «Антидемпинговые пошлины в отношении легких коммерческих автомобилей из Германии и Италии» // Право ВТО. 2015. N 1. С. 78-83.

²⁸ При нормативном закреплении таких положений выглядят ничем не оправдываемыми некоторые тезисы функционеров ЕАЭС, которые свидетельствуют о том, что идеология «над-

национальности» не чужда восприятию ими данного интеграционного объединения. Так, советник по предпринимательству, услугам и инвестициям Департамента развития предпринимательской деятельности Евразийской экономической комиссии пишет: «... формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза нашло свое отражение в закреплении новых наднациональных общеобязательных правил поведения и в применении наднационального правового регулирования, которое имеет приоритет над законодательством государств-членов. В этой связи можно предположить, что наряду с возрастающей ролью наднационального регулирования будет повышаться роль и значимость интерпретационного процесса в Союзе, иными словами – роль толкования норм права Союза» (см.: Ковалев А.В. Толкование права Евразийского Экономического Союза: правовые основы подготовки разъяснений и эволюция интерпретационного процесса // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1. – С. 187-194). Еще более в нынешних условиях вызывают удивление доктринальные высказывания вроде: «Евразийский экономический союз – наднациональный институт» со стороны юристов, принадлежащих к научной среде (см.: Евразийская интеграция: роль Суда. С. 59 и сл.).